

Крокодил

№ 29

МОСКВА, ОКТЯБРЬ
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

1933

Рис. Л. Бродяги (тама К. Ретова)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦК ВКП(б)

об улучшении и расширении про-
изводства граммофонов, грам-
мофонных пластинок и музы-
кальных инструментов.

Пластинка, которую рекомендуем Грампластресту ежедневно слушать.

Нильские крокодилы Южноамериканские тоже
ПОЛЗАЮТ ПОЛЗАЮТ

Европейские крокодилы
ЗАСЕДАЮТ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ

а
советский „Крокодил“ ЛЕТАЕТ

и собирается летать и дальше.

Сейчас он только что летал на аэроплане „К-5“, а через некоторое время он будет уже летать и на аэроплане „КРОКОДИЛА“.

Кто хочет в этом убедиться, пусть прочтет специальный увеличенный выпуск

„КРОКОДИЛ“ — АВИАЦИИ

в увеличенном выпуске рассказы и фельетоны — В. Катаева, И. Ильфа, и Е. Петрова, Грамена, Арк. Бухова, Я. Бельского, В. Ардова и др.

СТИХИ — В. Лебедева-Кумача, А. д'Актиля, Эм. Кроткого и др.

ТЕМЫ, ЭПИГРАММЫ и т. д. — И. Абрамского, М. Глушкова, М. Пустыннина и др.

РИСУНКИ ХУДОЖНИКОВ — Л. Бродаты, Ю. Ганфа, К. Елисева, Кукрыникисы, А. Радакова, К. Ротова, Е. Толпкина.

АКТИВИСТЫ

(Случай в дырккомбинате)

Слово взял помзамзава Филатов. Он сказал:

— Товарищи, наше открытое партсоборание фактически перешло в производственное совещание... И длится уже четыре часа, товарищи. Многие ораторы уже повторяются. Вношу предложение о прекращении прений, принимая во внимание, что...

Но помзамзава не дали договорить. С мест полетели голоса негодующего протеста:

— Как активность, так сейчас ее и тушить?..

— Не люблю они самокритики...

— Высказываться, так высказываться. Всем чтоб. Я не виноват, что не по очереди записывают...

Собрание продолжалось. Два следующих оратора были выслушаны с показательным вниманием, но на третьем кто-то не выдержал и прорвался:

— Да что ж они все ту же мочалку жуют!.. О труддисциплине и про обезличку уж пять человек высказывались. Председатель, чего ты не останавливаешь?..

После четвертого оратора председатель заявил:

— Проявленная активность в обсуждении наших болячек, так сказать, свидетельствует... и, вообще, надо всецело приветствовать. Однако товарищи действительно повторяются, и поступил ряд записок о прекращении прений. Ставлю на голосование. Кто за? Подавляющее. Прекращены. Есть предложение: исчерпывающую резолюцию с учетом всех выступлений поручить составить президиуму...

— Нет, прошу слово, — крикнул тех. сек. ячейки Пахомов.

— ...в трехдневный срок. Ты, Пахомов, чего?

— А того, — сказал Пахомов, — что не-зачем президиумы и трехдневные сроки. Волокитал.. У меня есть резолюция. Проект, конечно.

— Ладно, оглашай!

Пахомов откашлялся и приступил к оглашению:

„Заслушав доклад г. Филатова, открытое партсоборание с участием комсомольцев и беспартийных считает необходимым в кратчайший срок...“

Оглашал он долго. Исчерпывающая резолюция призывала наладить работу по-большевистски, предлагала укрепить труддисциплину и ликвидировать остатки обезлички, требовала сокращения канцелярских расходов и уплотнения рабочего дня, настаивала на устранении текучести и на проверке выполнения календарных планов. Она учитывала все выступления и отмечала все недочеты.

Собрание одобрило резолюцию аплодисментами.

— Ясно, что в основном принимается, — сказал председатель. — Какие имеются дополнения?

— Все отмечено. Исчерпывает.. Чего еще дополнять?..

— Поправки?..

— Все правильно!.. Чего время затягивать!

Поправок не нашлось. И только Пахомов, передавая резолюцию председателю, заявил:

— Маленькую одну поправочку надо... Техническую. Тут вот подпisi: председатель — Грязнов, секретарь — Сергеев. Резолюцию эту мы девять месяцев назад приняли. А нынче председатель — Смирнов, секретарь — Пархоменко.

ГРАМЕН

МУЛЛА И МУЛ

Мулла, на муло с'ездив в Мекку,
Надел зеленую чалму,
Он стал „ХАДЖИ“, — и потому
Все в ноги кланялись ему,
Как праведному человеку.
Но основательно вполне
Мул возразил: — „Пардон, — а мне?
Я — пилигрим. Я свят навеки“...

Разочаруй скота! Скажи:
И, побывав в пределах Мекки,
Мул не становится „ХАДЖИ“.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Первый штрих на общем фоне:
У колхозника Афони
Как итог его трудов —
Ржи четыреста пудов.
Однорогая корова
(Норовиста, но здорова).
Черно-белая коза
(Воплощенная буза).
Овоцей четыре грядки.

Дом в достатке.
Двор в порядке.

Посреди того двора —
Кур десятка полтора.
И ко всей ко штуке этой —
800 рублей монетой,
То-есть выражено в ней
Икс плюс игрек трудодней.

2

Штрих второй на общем фоне:
Довелось зайти Афоне
(Здесь рассказа самый смак!)
В селькооп-универмаг.
Говорит Афоня заву:

— Девчоре своей в забаву
Я надумался, сосед,
Завести велосипед.
На Афоню зав косится:
— Ты возьми, товарищ, ситца,
Да для тестя сапоги,
Да для тещи уютюги...
Но Афоня мрачно курит.
Но Афоня брови хмурит.
Он не хочет сапогов,
Он не хочет уютюгов.
Для своих для Петек-Феден
Хочет он велосипедик —
Он хозяин или нет
Восьмисот своих монет?

Третий штрих на общем фоне:
Нет проходу от Афони.
То-есть бредит на-яву,
Хоть пиши о том в Москву.
Зав за кассой — туча тучей:
Ведь какой тяжелый случай!
Было время, бедняка
Ублажишь наверняка.
Что увидит, то ухватит.
Не торгуется, а платит.
И не только не мудрит,
А еще благодарит.
А с зажиточными — хуже.
Насидишься с ними в луже.
Им не только хлеба кус,
Уж у них особый вкус!

4

В заключение штрих четвертый:
Зав, хотя и парень тертый,
А приходится ему
Прибегать-таки к письму.
Пишет зав: „В связи с моментом
Я с моим ассортиментом
(Верьте другу, не врагу)
Обойтись не могу.
Были мы универмаги
Больше, так ведь, на бумаге,
А теперь не та пора,
Чтоб ни пуха ни пера.
Посему к концу недели
Просьба выслать мне модели
Типа „Люкс“,
Типа „Дукс“

В общем полдесятка штук-с“...

5

Завернув в колхоз намедни...
Впрочем, класть ли штрих послед-
ний?

А. д'АКТИЛЬ

НА ЛЕЙПЦИГСКОМ ПРОЦЕССЕ

(Из кулуарных разговоров)

— Скажите, а почему это некоторые из свидетелей обвинения сидят на улице, а не в самом здании?
— Проветриваются. От них еще керосином пахнет.

— Ах, какой интересный процесс!.. Чего только не увидишь на нем... Советских корреспондентов не увидишь, закона не увидишь, культуры не увидишь...

— Мама, а почему вот этот господин во фраке кричит на обвиняемых?
— Как ты не понимаешь, Фриц: он же их защитник.

— А кому, собственно говоря, понадобился этот самый пожар рейхстага?
— А это ты у судей спроси: они знают.

— Должен сказать, что обвиняемые очень хорошо себя держат.
— А зато как их держат: в кандалах...

— Ах, господин прокурор, вы произнесли поистине зажигательную речь!
— Зажигательную? Господин Мюллер, арестуйте этого человека!

А.

ПРИМИТЕ И ПРОЧ.

ЗАЩИТНИК И ЗАВЕДЕНИЯ

По словам пражских газет один из защитников на лейпцигском процессе — национал-социалист Зак — был уже давно известен своими кутежами в ресторанах на Курфюрстендаме и появлением в суде в нетрезвом виде.

Теперь вполне понятно, почему и на лейпцигском процессе г. Зак предпочитал мычать, а не разговаривать. Привычка — вторая натура.

ЛЕГКИЕ СЛОВА

По сведениям парижских газет, египетский кабинет будет сформирован из представителей обеих правитель-

ственных англофильских партий — шааб и иттихад.

Какое из этих слов означает „взяли“ и какое „поблагодарили“, не знаем, но много значения они иметь не могут. Иначе зачем же на них тратить фунты стерлингов.

АРИЕЦ И КАРМАНЫ

В своем труде „Новые основы науки о расах“ фашистский ученый Гаух обстоятельно доказывает:

Манера разговаривать руками и ногами характерна для неарийцев. Арийцы разговаривают спокойно, засовывая руки в карман

и, конечно, в чужой, для того чтобы вытащить из него антифашистскую литературу, после чего собеседник уходит в тюрьму, а благородный ариец спокойно засовывает руки в следующие очередные карман.

ШАРАДА

Во время чаепития семейству Носовых принесли телеграмму. Глава семьи, несколько волнуясь, распечатал ее и прочел про себя при воцарившейся тишине.

— Ну, что? — спросила жена.

Носов зачитал:

„Выезжаю завтра Маня“.

— Гм... Что бы это могло значить? — задумчиво произнесла жена.

— А вот мы сейчас попробуем расшифровать, — начал бойкий старший сын, — „выезжаю“. На какое это слово похоже, хотя бы отдаленно.

— Выезжаю... Выезжа... Эжа... Выжа... „выжарки“, пожалуй.

— Нет, не годится. Скорее — „выжига“. Или „выжог“.

— Такого слова нет. Поджог — есть, а выжог — нет.

— Почему? У футуристов, например...

— Нет, товарищи, это не „выжига“ и не „выжарки“, а вероятнее всего, — „вожжа“, — заметила дочь Носова.

— А почему вы думаете, что непременно не то слово, которое написано? — растерянно спросил приятель старшего сына, принимавший участие в чаепитии.

— Здравствуй! Не первую же мы телеграмму получаем. И всегда перепутано, а тут вдруг почему-то не перепутано. Так не бывает. Так ты, Соня, говоришь „вожжа“? Хорошо, тогда как можно объяснить, что это слово кончается буквой „ю“.

— „Ю“, если оно не перепутано, может означать слово „есть“. Я слышала, китайцы именно так и говорят: „чай ю“ — чай есть, или: „табак ю“. Вот и выходит: „вожжа есть“.

— „Вожжа есть... завтра“. Как-то не клеится.

— Почему? Очень может быть, что Соня права. „Завтра“, если не

перепутано, может означать „зав“ „тра“: сокращенно — „заведующий транспортом“. Получается совершенно осмысленно: заведующий транспортом и должен интересоваться вождями.

— Хорошо. Допустим. Но что тогда, если не перепутано, означает слово „Маня“?

— „Маня“, конечно, перепутано и может означать фамилию Манин или Манберг. Бывают и такие фамилии.

— Позвольте, — взмолился приятель сына, — а ваша-то Маня сейчас где? Ведь она как будто в отъезде. Она как будто собирается возвращаться: у нее отпуск кончается...

— Ну, в отъезде, ну, собирается. Чудак-человек! Это все так. Но куда вы пуганицу тогда денете? То-то и оно!

— И потом, если бы эта телеграмма сообщала о приезде Мани, Маня давно уже была бы здесь. Где это видано, чтобы телеграмма приходила раньше приезда?

— Совершенно верно. Тут что-нибудь не так. Я думаю насчет вожди — это правильно. Но только тогда почему телеграмму принесли к нам?

— А какой тут адрес? „Носову“. Сейчас... Носову это, конечно, перепутано. А если, например, вместо буквы „Н“ поставить „М“, тогда будет...

— Постой, постой... Вместо „Н“ — „М“. Мосову... Мос-сову... Мос-совету... МОСО... Мосовца — может быть, такой трест.

— Так оно и есть! Зря ты, отец, принимал чужую телеграмму.

— А кто их знал?... Очень уж хитро стали путать. Как шарады. Сразу не разберешь.

...Через два дня приехала Маня. Она была очень обижена тем, что ее не встретили, но родные переадресовали ее претензии ведомству связи. И правильно сделали.

В. АРДОВ

НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ДОРОГЕ

Рис. К. Елисева (тама В. Лебаева Кулача)

ВАГОННЫЙ ПАРК И „КУЛЬТУРЫ“ И ОТДЫХА

СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря.
И был старик —
комсомольцем Петрухой.
И это
совсем другая история.
И вовсе не море,
а просто Москва-река.
И то, что старуха —
зловредная сплетня: —
Совсем не старуха,
а девушка Варька,
Хорошенькая
и девятнадцатилетняя.
Петруха и Варька,
весна и луна,
И слишком короткая
ночь у Москва-реки,
И мелкая лунная зыбь
и волна
За двадцать годов
накопившейся лирики.
Луна и волна,
и весна,
и без сна
Томленье
до самой до утренней сырости.
Поди угадай,
что с годами она
В довольно противную
дамочку вырастет.
И выросла!
И ни с того ни с сего,
Только вернулся
муж, заседавший,
Внезапно
накинулась на него,
Даже пальтишко
повесить не давши.
И сразу
посыпалось,
как из ружья,
Обидное самое,
самое злобное:
„Вот у других —
мужья, как мужья!“
И так, и далее,
и тому подобное.
„Жена я тебе
или не жена?

Ты ответственный,
а я не ответственная?!
Так вот мне одежда - обуза нужна
Нашей ответственности
соответственная!“
И муж впервые
узнал про то,
Что существует проблема ботиковая,
Про зимнее
котиковое манто
И про демисезонное —
коверкотиковое.
Муж растерялся
и спорить не стал,
Не ожидал он такого подходи́ка,
Взял аванс
и манто достал,
Правда, не котиковое,
но все же
под котика.
Но котиков
мало
взбеленнейшей бабе,
Баба шипит, как змея-пифон:
„Хочу получать
по талонам
в Инснабел!
Хочу овчарку!
Хочу патефон!“
Муж окончательно опупел,
Но глупая баба
свое заладила —
И пел Шевалье,
и Вертинский пел,
И повсеместно
овчарка
гадила.
Ответственный муж
совершенно ослаб,
Но баба
шипит, как гадюка ползучая:
„Хочу Апулея
„Золотого осла“!
Хочу и желаю
„Новеллы“ Мазуччио!“
Купил новеллы,
купил „Осла“,
„Манон Леско“ —
сочиненье аббатово.

Но жадность у бабы
росла и росла,
Росла, как крапива,
как горб у горбатого.
Ее пробирает
до мозга костей:
Ну, что ей Вертинский?
Ну что, ей собака? —
„Хочу, говорит,
именитых гостей:
Олешу, Сельвинского и Пастернака.
Хочу Мейерхольда,
а также хочу еще вот
Интеллигентного негра танцующего!“
Муж не сумел
раздобыть Пастернака,
Сельвинского
и Мейерхольда с Олешей,
Но двух поскромнее
спроворил, однако,
И негра доставил
к жене ошалевшей.
Жена танцует,
пошло веселье:
Писатель сзади,
а негр спереди.
Ну, прямо, ночной кабачок в Марселе
Ну, прямо, Америка
в годы процветания.
А в муже
кипит
запоздалая злоба:
Светский
советский
сблон
салбн,
Нос похудевший
повесил, как хобот.
Эх, ты!
Безответный
ответственный слон!
Вот что,
попробуй исправить ошибку!
Рыбку возьми у себя в закрытом
и попроси
государыню-рыбку:
„Повторите, пожалуйста,
фокус с корытом!“

МИХ. ВОЛЬПИН

ЗАКАЗЧИК, АВТОР И ДРУГИЕ

(Из обозрения „Шутки в сторону“)

Действующие лица

ХРЯПИН } раз'ездные эстрадинки.
МЫКОВ }
ЯША — эстрадный автор.
ЗАВКЛУБОМ

Место действия — красный уголок захолустного клуба. Только что приехавшие эстрадинки оговариваются с завклубом о выступлении.

ХРЯПИН: — Можем предложить свежий идеологический репертуар с пеньем и с танцами, также наоборот — без пенья и с танцами. Полный вечер с двумя антрактами — шестьдесят рублей, двадцать процентов авансом, гостиница ваша, пища наша, фрачный выход — на пятнадцать процентов дороже. Имеем при себе собственного автора на местные темы. Яша!

ЯША (кланяется): — Здесь, Василий Петрович.

ЗАВКЛУБОМ: — А скетчи и тому подобное имеете?

МЫКОВ: — На все кампании. Антирелигиозные, антипасхальные, антирождественские, антимайские, антипосевные...

ЗАВ: — С кампаниями не берем. Себе дороже. В позапрошлом году на антиалкогольной кампании 400 рублей, как миленькие, доложили.

ХРЯПИН: — Не извольте беспокоиться: переделка любого скетча на ходу, без особой доплаты. Яша!

ЯША. — Здесь, Василий Петрович.

ХРЯПИН: — В первомайский скетч тещу можете вставить?

ЯША: — Местную? Могу. Имею на виду одну вредную дамочку с происхождением.

МЫКОВ: — Только чтобы конкретная была. Тут тебе не Художественный театр, а заказчик налицо.

ХРЯПИН: — Желаете ознакомиться со скетчами? Рекомендую популярный скетч в нашем мастерском исполнении из заграничной парижской жизни. Мыков, вынь из чемодана оформление. Яша, столпись за кулисами!

(Мыков вынимает из чемодана и ставит на стол бутылку из-под шампанского, бумажный букет, подсвечник, нацепляет рыжьи усы и вешает поверх жилета часовую цепочку. Яша садится в угол).

ХРЯПИН: — Одноактный политический драм-гротеск-сатира „В лапах гнета“, издание Всероскомдрама. На сцене буржуазная столовая-отель, утопающая в кошмарной роскоши. Мыков, смахни пыль с букета. Хозяин-банкир проснулся с дорогого турецкого дивана — амфир. Законный банкирский сын Жан-Жорж-Антуанет ходит взад вперед по богатой обстановке. Прошу начинать.

(Начинается показ скетча).

ХРЯПИН: — Ах, мой сын, Жан-Жорж (смотрит на Мыкова через лорнет без стекла) Не огорчай своего престарелого отца, местного банкира, и не ходи на первомайскую демонстрацию. К твоим услугам весь вихрь наслаждения, а ты, как маленький, уходишь по ту сторону баррикады.

МЫКОВ (пересаживается на другой стул): — Нет, гранд пер-папа. Поздно!

ХРЯПИН: — Лучше купи себе бутылку шампанского за четыреста франков, сыру и килек, останься дома и танцуй фокстрот с любимой знакомкой.

МЫКОВ (снова пересаживается на прежний стул): — Нон.

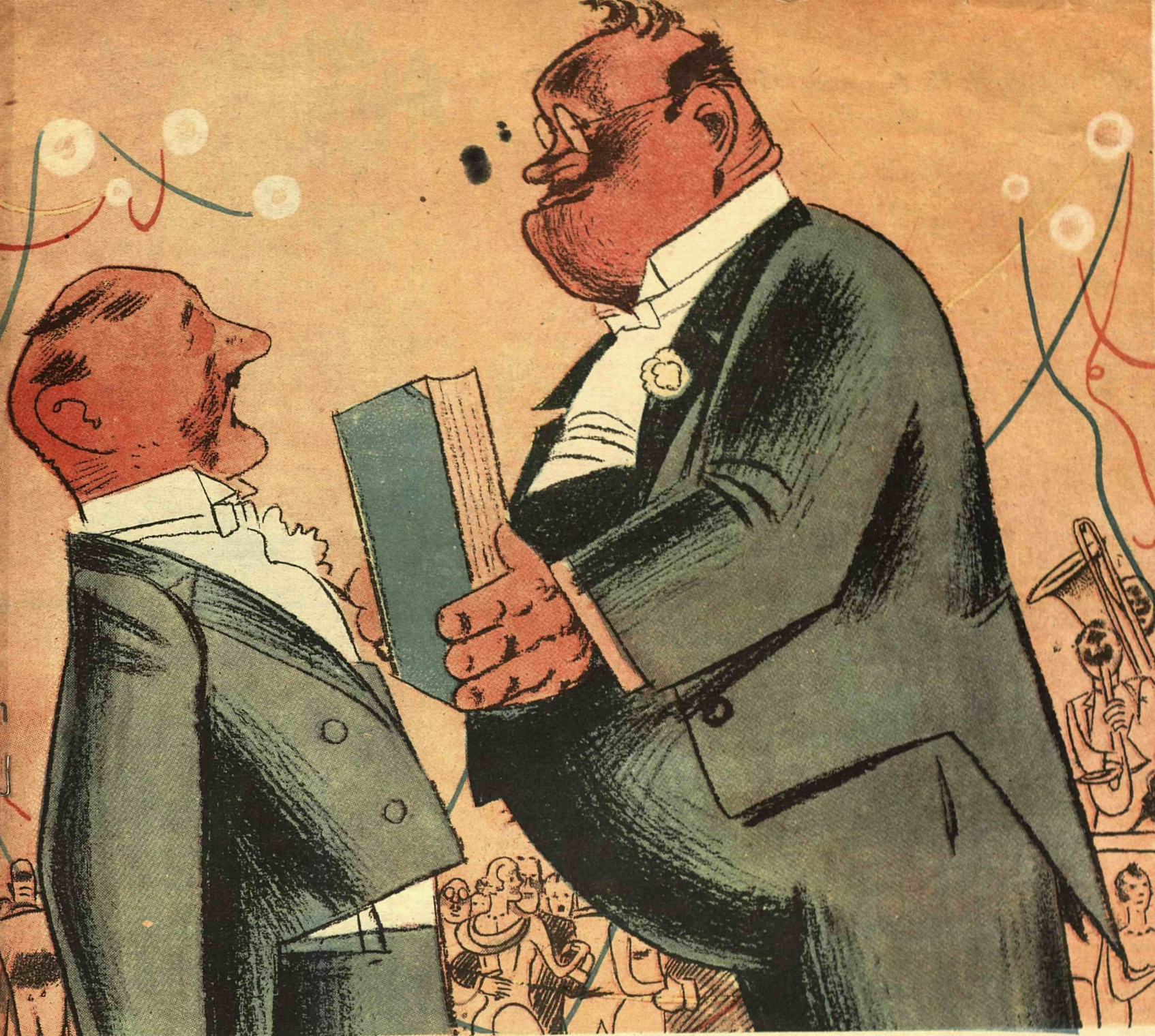
ХРЯПИН: — Голосом предков умоляю тебя, Жан-Жорж-Антуанет, не ходи.

МЫКОВ: — Нон, и еще раз нон, папа. Я вчера был на собрании анархистов-лейбористов и у меня, сына капиталистического банкира, просветилась, как молния, моя молодая душа. (Прижимает букет к губам). Я понял, что мы, походя, вымираем, а правда — ихняя. Слышишь, идет толпа и гудет красными знаменами?

(Яша, безучастно позевывая, топает ногами, свистит и производит шум уличной толпы).

ЗАВ (вмешиваясь): — Попрошу потише, гражданин. Здесь — общественный показ.

ХРЯПИН: — Пардон. Это по развороту драматического сюжета. Яша сидит за сценой и

ис. Ю. Ганфа (тема А. Бухова)

В Америке наложены специальные правила для безработных, собранные в одной книжке.

— **Передайте эту книгу безработным. И пусть ее читают от корки до корки...**
 — **Слушаюсь, книгу я передам, но где они возьмут корки?..**

изображает возбужденную толпу буржуазной столицы. Легкий поворот к реализму. Продолжаем дальше (другим тоном).

— Капитализм еще силен, и не твоим новым друзьям, Жан-Жорж, сломить его, как пышный цветок. Прошу тебя как отец и хозяин этой квартиры, перестань верить в социализм, хотя бы ради покойной твоей маман-Люлю, или я лишу тебя наследства в иностранной валюте. Вуй?

МЫКОВ: — Нон, отец. Плю тар — поздно. Я уже с ними. Ты видишь, что я слышу? Что я слышу? Что я слышу? (В сторону). Яша! Яшка!

ХРЯПИН: — Что же ты слышишь, Жан-Жорж? (В сторону) Яша!

ЯША (который зазевался и закусывал, вдруг хватается стул, хлопает им об пол, подражая выстрелу и кричит): — А-а-а!

МЫКОВ: — Ты слышишь этот выстрел из автоматического пистолета? Это убили мою невесту Маргариту-Матильду шальной пулей из жандармского ружья наемной рукой убийцы. Я иду туда, отец...

ХРЯПИН (разговор переходит на скороговорку, спокойную по тону): — Не пойдешь. Прокляну.

МЫКОВ: — Проклинай. Пойду.

ХРЯПИН: — Не пойдешь.

МЫКОВ: — Пойду.

ХРЯПИН: — Не пойдешь.

МЫКОВ: — Пойду.

ЗАВ (вмешивается): — Скучно. Идеологии много. Как вот этот начнет стулом бить, — публика уйдет. Скажут, — и вчера стулом били, и третьего дня били, и сегодня опять. Это на бесплатном, хоть всей обстановкой стучи, а на платном уходят.

ХРЯПИН: — Не извольте беспокоиться. Имеете дело с творческим самостоятельным ансамблем. Яша!

ЯША: — Здесь.

ХРЯПИН: — Юмор включить можешь?

ЯША: — Местный?

ХРЯПИН: — Можешь местный, только увяжи его с международным положением.

ЯША: — На сколько смехов?

ХРЯПИН: — Минимум на семь. Заказчик обижается.

ЯША (подумав и подсчитав по пальцам): — Могу.

ХРЯПИН: — А кончик прежний оставим. Я нервно ухожу в свой несгораемый шкаф и там эффектно вешаюсь, а он приходит к шкафу и говорит: «Ах, мне не надо ваших денег!» и вдруг видит меня и падает ногами к выходу...

ЗАВ: — Какие же это смехи, если один шкаф висит, а другой — ногами к выходу... Это уж чистая идеология.

МЫКОВ: — Конец всегда идеологический должен быть. Раз банкир повесился, значит капитализму крышка.

ЗАВ: — Я в капитализме не заинтересован, мне сбор надо.

ЯША: — Пусть тогда оба повесятся, чтобы веселее было. А потом я финальные куплеты с танцами вставлю... Так например:

Капиталистам скоро крышка,

И вот вам лучший образец:

Уже повесился парнишка,

А рядом с ним висит отец...

Нет ни сына ни отца

Ламца-дрица-ха-ца-ца!

И тут же танчик небольшой, можно с музыкой.

ЗАВ: — Это другое дело. Раз танчик и музыка...

ХРЯПИН: — И все-таки живые люди на эстраде. Один висит, другой висит, а конец благополучный.

ЗАВ: — Беру, беру. Цензуровано?

ЯША: — Не извольте беспокоиться: в 1926 году еще цензуровал. Семь лет бесперебойного исполнения. Крепкий скетчик. Мы им в позапрошлом году фокусника переклюнули. Гвозди в двух клубах на публике глотал, а мы его скетчем, а мы его скетчем!.. Платные к нам перебежали.

ЗАВ: — У нас не тот город. У нас не перебьешь. Ежели бы к вам еще прошлогоднюю женщину-змею добавить... Эх, может, я бы с городским театром конкурировать бы стал...

АРК. БУХОВ

РЕКОРД ПИКАРА ПОБИТ!

Советский стратостат «СССР» достиг 19 тысяч метров высоты!

Может ли после этого любознательный «Крокодил» оставаться на земле и не посмотреть, что делается в воздухе? А как он сделает это?

Очень просто. Купите у газетчиков специальный увеличенный выпуск «КРОКОДИЛ—АВИАЦИИ», и вы все узнаете.

ХОТИТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ СТРОИТЬ АЭРОПЛАН?

Подождите несколько дней, купите специальный выпуск «КРОКОДИЛ—АВИАЦИИ» и вы окажетесь в числе строителей.

Как? Почему? — Все это вы узнаете, как только в ваших руках окажется «КРОКОДИЛ—АВИАЦИИ».

Угадайте! О чем крокодил может договориться с соколом?

Каким образом крокодил может оказаться в воздухе?

Отгадывайте скорее, иначе скоро это узнают все из специального увеличенного выпуска «КРОКОДИЛ—АВИАЦИИ».

ОДИН ДРЕВНИЙ ГРЕК СКАЗАЛ:

— Прочитай и поймешь!

Мы вполне солидарны с ним. Прочитайте специальный выпуск «КРОКОДИЛ—АВИАЦИИ» и вы поймете, почему «Крокодил» будет в воздухе и как все читатели могут в этой помощи ему.

Мои приятели Быстров и Алмазов были в общем очень похожи друг на друга. Один был начинающим писателем, другой — начинающим режиссером, и обоим не везло.

Писатель Быстров старался держать курс на признанных с литературными юнцами он разговаривал нехотя и небрежно. Зато любил бывать в обществе более известных собратьев, с падающим сердцем слушая известия о том, что один — выпускает роман, другой — печатает повесть, а третий — написал пьесу. И когда кто-нибудь из вежливости задавал ему вопрос: „А вы над чем работаете?“ он говорил таинственно и вполголоса:

— Я, знаете, пишу сейчас одну большую вещь... для себя.

И это „для себя“ он произносил так проникновенно и важно, что каждый печатающийся писатель, казалось, должен был устыдиться и подумать:

„Какой же я подлец! Я печатаюсь для денег, для славы, для суеты, — и меня читают! А тут человек упорно и незаметно творит что-то великое и о нем почти забыли“.

Литературную хронику в газетах и журналах Быстров читать не любил. Зато некрологи и извещения о смерти наполняли его сердце каким-то горьким удовлетворением. Он всегда принимал участие в комиссиях по похоронам и с умилением сообщал по телефону:

— А, знаешь, такой-то умер! Лежит в Доме печати!

И если покойник был таким же начинающим, Быстров говорил о нем особенно тепло и проникновенно, обязательно называя уменьшительным именем:

— Да! Не сумели мы Гришу оценить и уберечь!

Режиссер Алмазов держал курс на молодежь. И если Быстров любил щеголять фразой: „Мы — старики! Мы — старые драбанты“, — то Алмазов так же часто говорил: „Мы — молодежь! Мы — молодые режиссеры“.

Но под внешней бодростью и нарочитой непосредственностью этого молодого режиссера внимательный глаз легко мог подметить, что Алмазову давно надоело все время подавать надежды и удивлять окружающих юнцов замыслами неосуществимых постановок.

Одно время он чрезвычайно увлекался общественностью, надеясь хоть таким образом заставить о себе заговорить. Но после того как он получил какую-то грамоту и в газете дали об этом заметку в две строчки, перепутав его фамилию, Алмазов вдруг резко охладел ко всякой общественной работе.

Он называл больших режиссеров без фамилии, только по имени-отчеству. И всегда оказывалось, что его, Алмазова, наперебой зовут к себе все эти имена-отчества, а он не хочет потому, что боится, как бы они не задавили его творческой индивидуальности.

А дома он говорил жене тихо и хрипло:

— Сережке Баталину дали за постановку шесть тысяч. Зовут в Сталинград.

И жена отвечала:

— Что ж? Ничего удивительного! Не надо быть дураком!

Я долго приглядывался к Быстрову и к Алмазову, ища причину их неуспеха. Они были очень самолюбивы, обоим не хватало признания и уважения, у обоих было мало инициативы и, наконец, их обошел счастливый случай, который помог многим другим.

Я решил познакомить Быстрова и Алмазова, но не просто познакомить, а, так сказать, произвести некоторый эксперимент.

Встретившись с Быстровым, я по-деловому отвел его в сторонку и сказал:

— Николай Семенович! Один чрезвычайно талантливый молодой режиссер очень хочет с вами познакомиться. Он задумал какую-то интереснейшую постановку и почему-то упорно спрашивал меня про вас. Он читал вашу повесть и страшно ею увлечен.

Быстров задержался, засмутился, но в конце концов все-таки просиял и обещал быть у меня в назначенный день и час.

Вскоре у меня был Алмазов. Еще в прихожей, не давая ему раздеться, я воскликнул:

— Ну, Борис Михайлович! Передаю вам привет от человека, которого вы еще не знаете, но которого вы просто убили. Это — писатель Быстров, чрезвычайно интересный человек, который все время ищет новых форм в драматургии. У него есть какая-то вещь и он страшно хочет с вами встретиться. Он видел ваши работы и почему-то уверен, что все интересное в вашем театре исходит от вас.

Весь вечер Алмазов был крайне возбужден, расспрашивал меня о Быстрове, развивал всяческие планы и ушел, забравши с собой быстровскую повесть...

Встреча Быстрова с Алмазовым прошла, как встреча двух энтузиастов. Я даже и предполагать не мог, что моя предварительная обработка даст такой эффект.

Быстров принес целую кипу нервно исписанных листов, заключавших наброски будущей пьесы.

Алмазов вынул из кармана точный план инсценировки быстровской повести.

Через пять минут после знакомства они разговаривали, пожирая друг друга глазами, как двое неистово влюбленных.

— Дорогой, Борис Михайлович! Ваш план — изумителен, но, право, не стоит губить его для моей повести. Ведь это же — детский лепет.

— Милый Николай Семенович! Мой план — это только черновой набросок. Конечно мы сделаем лучше. Мне просто не хотелось притти к вам с пустыми руками после прочтения вашей потрясающей вещи.

И каждый произносил имя-отчество другого так любовно и почтительно, как будто подносил в тончайшем бокале драгоценное вино и страшно боялся расплескать.

Расстались мы поздно. Быстров и Алмазов под конец вечера совсем забыли о моем существовании и лишь уходя долго жали мне руки. Они ушли возбужденные и помолодевшие, обменявшись адресами и телефонами.

Три дня я не видал Быстрова. На четвертый — он влетел ко мне с газетой и ткнул пальцем в отдел „Новости театра и кино“.

Я прочел: „Писатель Быстров готовит пьесу „Ураган“ (название условное). Пьеса пойдет в чрезвычайно интересном оформлении режиссера Б. М. Алмазова, который принимает непосредственное участие в работе драматурга“.

Быстров исчез так же быстро, как пришел:

— Я к тебе только мимоходом! Работаю, как черт!

Через несколько дней у меня был Алмазов и тоже с газетой. Быстровская заметка так его окрылила, что он ухитрился, опираясь на нее, всучить приятелю газетчику коротенькое интервью: „Как я работаю над пьесой Н. С. Быстрова“.

В интервью говорилось: „Чрезвычайно острый и своеобразный текстовый материал заставляет меня искать новых, еще не использованных сценических приемов. Работать с Н. С. Быстрым — наслаждение“.

Колесо закрутилось. Спаренная езда заменила обезличку: Н. С. Быстров и Б. М. Алмазов почувствовали себя личностями. Заставить людей поверить в чужой талант гораздо легче, чем в свой собственный, особенно если говорить с энтузиазмом. Быстров в своих кружках стал пророком Алмазова, Алмазов пропагандировал Быстрова в актерской среде. Оба старались изо всех сил, заражая друг друга верой и уважением.

Пьесу приняли. Пьесу поставили. Пьеса имела успех.

Быстров и Алмазов вошли в моду и перестали быть начинающими...

Один знакомый актер говорил мне, что Алмазов теперь с пренебрежением отзывается о современных авторах и обязательно хочет попробовать свои силы на „Гамлете“ или „Ревизоре“.

А Быстров пишет новую пьесу и, по слухам, хочет отдать ее только кому-нибудь из народных, потому что разочаровался в молодых режиссерах.

Все это — только по слухам, потому что ни Быстров ни Алмазов уже не торчат у меня, как прежде, по целым вечерам и, встречаясь на улице, едва приподнимают шляпу.

Мой эксперимент удался на сто процентов. Великая вещь признания и уважения!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ ОБ ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЕ?

„Над всем полем, прежде столь весело красивым, с его блестящими штыков и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма. Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных, на изнуренных и на сомневающих людей“.

(Л. Н. Толстой „Война и мир“)

Но это красочное описание Бородинского боя бледнеет перед сухим рапортом о бое, разыгранном в просторных клубных залах.

К сожалению, история не сохранила нам имен великих клубных полководцев, перед которыми ступали бы тени Наполеона и Мюрата. Но дела их живы, и о них сегодня будет речь.

Перед нами дислокация боя:

„Вначале „выстреливший“ ждет ответа на заданный политический вопрос неприятеля, после чего последний в свою очередь „стреляет“ в своего партнера. Если один из „бойцов“ не полностью или совсем не отвечает, то в этом случае жюри объявляет его „раненым““.

Конферансье предлагает „санитарам“ убраться „раненого“. Санитары подбегают, делают перевязку „пострадавшему“ и забирают его в „госпиталь“.

По окончании боя жюри подсчитывает результаты сражения. Отряды под музыку уводят своих бойцов. Находящиеся в госпитале подвергаются „лечению“ (консультации) согласно больничному билету, где указан предмет ранения, т.е. тот вопрос, на который политбоек не сумел дать ответа.

После окончания „курса лечения“ раненые выходят на сцену и докладывают зрителям по тому вопросу, по которому излечивались. Если они снова не сумели ответить, то объявляются „убитыми“ с занесением в больничный список. Ответившие считаются излечившимися.

Затем жюри объявляет результат боя; победителям музыка играет туш, победленным — раненым, убитым — похоронный марш“.

(Из плана проведения политбоя в Московско-нарвском доме культуры в Ленинграде).

Но предположим, что это был один из немногих героев, уцелевших в бою под Московско-нарвским домом культуры. Это в вашу честь победно грохочут трубы оркестра.

Но не обольщайтесь, не возгордитесь, доблестный участник культуры. Вы еще не победитель. Оглянитесь по сторонам. Тут и там, в разных клубах северной столицы вспыхивают огни выстрелов и гремит орудийная канонада. Сражение продолжается.

Вы еще не победитель. Дайте вашу руку, любезный политбоек. Мы поведем вас в клуб кожевников. Там политбой принимает несколько окулинаренны формы. Очаг боя переносится к буфету.

На вас соблазнительно глядят бутерброды самых разнообразных формаций и наслоений, урядные салаты „поздняя осень“ и винегреты à la-Союзплодоовощь. Но вкусить эти яства не так просто.

Оказывается, это не скромные салаты и винегреты, а политкушанья, пропитанные пропагандистскими витаминами.

Вы подходите к стойке и называете номер кушанья. И здесь в зависимости от качества блюда вам предлагаются политические вопросы, начиная от уровня знаний пионера (бутерброд с повидлой) и кончая солидным багажом слушателя ИКП (свинная отбивная).

Объективность историка требует отметить исключительную кротость нравов культвождей ленинградских кожевников.

Не в пример суровым полководцам Московско-нарвского дома культуры, в случае неудачного ответа вас не отправляют в госпиталь, а отпускают с миром на все четыре стороны, Единственно, что вам не отпустят ни салата ни винегрета.

Жаль, что вы не живете в Орехово-Зуеве. Там знают, как поднять в клубной работе активность членов профсоюзозов.

Под малиновый перезвон колоколов медленно движется торжественная процессия. Нестерпимо горит под солнцем золото риз. Хоругви медленно колышутся над процессией.

Мы подходим ближе, и скорбные лики прогульщиков и лодырей глядят на нас с икон и хоругвей. Это орехово-зуевские клубные работники нашли новый способ борьбы за выполнение промфинплана.

Но вы живете не в Орехове-Зуеве, а в Ленинграде и, поужинав в рабочем кафе, увы, без всяких политприправ, отправляетесь спать. Вы заслужили право на отдых.

(Продолжение на стр. 7).

НЕ ПОРА ЛИ ПЕРЕМЕНИТЬ ОБЪЯВЛЕНИЕ?!

Однако вы еще не демобилизованы. Политбои делят круглые сутки. И хотя вы засыпаете под нежные звуки вальса Штрауса, транслируемого из радиостудии, страшные кошмары посещают вас.

Вы входите в трамвай, и кондукторша, вместо того чтобы получить гривенник за проезд, ледяным голосом спрашивает:

— Что вы знаете об Эрфуртской программе?

Вы лепечете что-то невразумительное. А кондукторша, дернув за звонок, безапелляционно заявляет:

— Пока не ответите, гражданин, вагон с места не сдвинется.

И разъяренные пассажиры с шипением набрасываются на вас:

— Ежели Эрфуртской программы не знаешь, в такси ездить нужно!

Вы просыпаетесь в холодном поту.

Но что это — сон или явь?

Вас окружают симпатичные молодые люди и трясут за плечи. Самый симпатичный из них рекомендует:

— Я — начальник политоблавы Шуваловского дома коммуны*. Будьте добры, сообщите нам, что вы знаете об Эрфуртской программе?

Вы ничего не понимаете. Вы смотрите на часы. Два часа ночи. Отступить дальше некуда. Вы побеждены.

Вы становитесь на колени:

— Вяжите меня, братцы! — кричите вы истошным голосом.

— Только не отправляйте меня в политгоспиталь! Не перевязывайте меня! Я за политбои, но не до бесчувствия. Считайте меня условно убитым и везите прямо в политкрематорий! Я хочу спать!

АБРАГО

* Самого настоящего Шуваловского дома коммуны в Ленинграде.

РЫБИЙ ЯЗЫК

Гоголевский сумасшедший Поприщин утверждал, что к берегам Англии однажды подплыли две рыбы, сказали что-то на непонятном языке и уплыли обратно.

Неизвестно, что стало с упомянутыми рыбами, но их языком воспользовалась газета „Комбайнер“, которая печатает такие таинственные заметки:

„Колхоз нов-желев бригадир № 3 Александр, биндеев был прикреплен на холотбо, женский бригад“.

А о своем местонахождении, которое, наверное, заинтересует читателей, „Комбайнер“ сообщает в еще более неожиданном стиле:

„Адрес: Ак'яр Хайбуллин, МТС газит жлого тераж“.

Но не думайте, товарищи, что это обе гоголевские рыбы редактируют „Комбайнер“. Только одна. Другая рыба сидит в Локнянском райзо и пишет служебные записки в таком стиле:

„Локнянское РайЗО ждет от вас заключения по существу затронутого вопроса, созданного на анализа фактической действительности, и предвременно уверено, что оно будет вынесено с большевистской классовой верностью“.

Все зависящие и все могущие с вашей стороны меры и устранению указанных антивакоий должны быть осуществлены сразу же без подкладки за сей счет препятствий“.

Нас не интересует, что делается с несчастным, получившим такую записку. Значительно интереснее, что делают в это время его друзья и знакомые, видя его муки?

ПУШКИНСКАЯ ПРОЗА

Незабываемые строки из „правил внутреннего распорядка“ Ковмодемьянской коммунальной гостиницы:

п. 4. „Занятные номера при выходе по своей надобности оставляют ключ у дежурного“.

п. 6. „Жилец обивая вежливо относиться с прислужкой; всякое представление и последнее после предупреждения административной жильцу, административная имеет право удалить последнего из занимаемого номера“.

п. 7. После 9 часов „прислужка не имеет права входить в № не несущего реальной причины к входу“.

п. 10. „Дежурной воспрещается соблюдать абсолютную чистоту полов, инвентаря, следить за бесперебойным нахождением кипяченой воды в графинах, с 3-х дневным сроком, после чего меняет воду“.

Фамилия зава этой гостиницы и, видимо, автора приводимых правил — Пушкин. Из этого следует, что не всякой пушкинской прозе надо подражать.

ЖУТКОЕ СОЦПОЛОЖЕНИЕ

Если вам даже очень срочно нужна справка о вашем социальном положении, получайте ее где угодно, только не в Альшевском союзе работников кооперации. Некий гражд. Султангареев, никем не предупрежденный об этой опасности, обратился в упомянутый союз и получил справку, в которой значится:

„Социальное положение — холост, социальное происхождение — крестьянин, социальное положение — утильсырь“.

По этой системе, если бы гр. Султангареев оказался рыбаком, ему бы наверное написали: социальное положение — рыба. А потом иди доказывай, что тебе нужна квартира, а не рыбный садок...

Оформление Л. Бродяги. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотомашины — П. Могилев, Р. Фролова, под руководством Г. Жигаркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печатью, отд. — А. Давыдов.

35910

275
14/x
XIV
ОКГ
4-2-1

Фотомонтаж Б. Клиича (тема М. Глушкова)

Несмотря на запрет и террор, коммунистические газеты в Германии продолжают выходить, и тиражи их растут.

ТРУДНО ЗАКРЫТЬ ГАЗЕТУ, КОГДА ИЗДАТЕЛЬ — ЦЕЛЫЙ КЛАСС.